

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-81

**ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН КАК ПОЭТ-МАНЬЕРИСТ:
СТАНОВЛЕНИЕ МАНЬЕРИЗМА И ЭГОФУТУРИЗМА**

Чикалов О.А.

Алтайский государственный педагогический университет, аспирант

**IGOR SEVERYANIN AS A POET-MANNERIST:
THE DEVELOPMENT OF MANNERISM AND EGOFUTURISM**

Chikalov O.A.

Altai State Pedagogical University, postgraduate student

В данной статье рассматривается соотношение таких явлений в литературе, как маньеризм и эгофутуризм. Выделены основные принципы создания художественного текста данных направлений. Практическая реализация приемов эгофутуризма и маньеризма рассмотрена на примерах текстов Игоря Северянина.

Ключевые слова: маньеризм, эгофутуризм, Северянин

This article discusses the correlation of such phenomena in the literature as mannerism and egofuturism. The main features of creating an artistic text of these directions are highlighted. The practical implementation of the methods of self-futurism and mannerism is considered on the examples of texts by Igor Severyanin.

Key words: Mannerism, Self-Futurism, Severyanin

Научный руководитель: Е.А. Худенко, д-р филол. наук, зав. кафедрой литературы АлтГПУ.

Как известно, начало XX века в русской литературе – это целая эпоха поиска новых форм самовыражения. Эгофутуризм, кубофутуризм, имажинизм, символизм, импрессионизм, акмеизм задавали колоритную эстетическую «палитру» эпохи. Среди разных течений можно выделить кружок эгофутуризма, зародившийся благодаря Игорю Северянину, его основателю и лидеру. Кружок просуществовал несколько лет, а после 1912 года его деятельность пошла на убыль. Апогеем существования группы становится манифест, получивший отражение в сборнике «Пролог. Эгофутуризм. Поэза грандос. Апофеозная тетрадь третьего тома». Северянин в манифесте эгофутуризма выдвигает следующие его черты:

1. Душа – единственная истина.
2. Самоутверждение личности.
3. Поиски нового без отрицания старого.
4. Осмысленные неологизмы.
5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы.

6. Борьба со «стереотипами» и «заставками».

7. Разнообразие метров [1. С. 131].

Однако уже в октябре 1912 года выходит стихотворение, завершающее облик Северянина как поэта-эгофутуриста – «Эпилог. Эго-Футуризм». Тем не менее, черты эгофутуризма прослеживаются и в более поздней лирике Северянина, вплоть до конца 1920-х годов.

Термин «маньеризм» возрождается как раз в 20-х гг. XX века. Первоначально исследователи выделяли его как течение в западноевропейском искусстве XVI века. Маньеризм – «чрезмерное увлечение тонкостью стиля <...> вычурность, а то и витиеватость композиции. Маньеризм есть стремление подражать манере мастеров, в то же время желая их превзойти» [2. С. 290]. Маньеризм есть «стремление не следовать природе, а выражать субъективную «внутреннюю идею» художественного образа, рождающегося в душе художника» [3. С. 429].

Маньеризм, по Хокке, – это некое намеренное отклонение от нормы, сознательное нарушение стандарта [4. С. 46]. В широком смысле слова маньеризм – черта любого стиля, в котором есть отход от традиции.

Исследователь Е.В. Головин выделяет следующие особенности маньеризма:

1. Отсутствие автора и ярко выраженной авторской позиции (связанные со стилизацией как главным приемом). Следовательно

2. Индивидуальное «я» абсолютно непонятно, затемнено.

3. Крайняя эстетизация при возможном отрицании (но не обязательном) морали.

4. Отход от «базовой» реальности.

5. Усложнение текста благодаря различным фигурам (гипербация, корреляция, катахрез, метафора).

6. Использование любых предметов реального и ирреального мира в качестве основы создания текста.

7. Изобретательность приемов в области стиля [4. С. 44–58].

Если сопоставить черты эгофутуризма и маньеризма, то можно прийти к выводу, что это эстетически близкие, смежные течения. Разность терминологии не отменяет сущностной схожести явлений. Так, Е.В. Головин называет Северянина «единственным маньеристом в России» [4. С. 44]. Обратим внимание на сходство идей маньеризма и эгофутуризма: осмысленные неологизмы, смелые образы, разнообразие стилистических приемов, метров, тотальная эстетизация действительности. В основе маньеризма лежит отклонение от нормы, в

том числе и от поэтической поведенческой нормы. Кроме того, отклонение может проявляться не только в текстах, но и в реальной жизни. Так, по воспоминаниям А. М. Арго, Северянина отличала «роль и шаманская подача текста, и подчеркнутое безразличие поэта, и самые зарифмовки, которым железная опорность сообщала гипнотическую силу» [5. С. 93].

Первые черты манерности (маньеризма) проявляются в стихотворениях Игоря Северянина начиная с 1908 года. Так, в стихотворении *Nocturne* («Сон лилея...») мы видим несколько приемов, указанных Северяниным в качестве приемов эгофутуризма. Можно выделить «осмысленные неологизмы», создаваемые при помощи окказионального словообразования (сон *лилея*, *лиловеет* запад дня; запад грустен и *лилов*). Используются различного рода созвучия (лилея – лелея; запад дня – западня и др.). Аллитерации и ассонансы внутри строк – «сон лилея, лиловеет запад дня. / Снова сердце для рассудка западня» [6]. Повторение звука [с] – это создание образа тишины, шепота, [л] – пронзительность чувств и сочность переживаний.

В стихотворении «Надрубленная сирень» (1908) мы также можем увидеть элементы манерности. Появляются достаточно смелые метафоры: «Согнулись грабли.../ Сверкнули сабли / И надрубили сирень весны!..» [6]. Больше всего следует обратить внимание на звукопись. Образ весны, сирени и звука летящего инструмента воссоздаются при помощи ассонансов и аллитераций.

Сонет «Памяти Амбруаза Тома» (1908) в плане манерности совершенно уникален. Здесь выражается и собственное эго-я автора, и образы, которые раскрываются не сразу, а требуют внимательного изучения. Амбруаз Тома – композитор XIX века, преподаватель музыки, директор Парижской консерватории. Казалось бы, сонет посвящен памяти композитора, однако в тексте практически о нем не упоминается. Вместо этого мы встречаемся с действующими лицами его опер – Миньон, Вильгельм, Филина, которые перелагают литературные произведения и делают из них достаточно веселые либретто. Поэтому и для лирического героя, отходящего от традиции, такой мотив – амулет (оберег), а его творчество – корона – самое ценное, что есть у власть имущего. Далее Северянин размышляет о влиянии творчества на отдельного человека – тема не новая для поэзии – но выражает эту «тривиальную» мысль стилистически виртуозными средствами.

«Чтобы ответить на какой-нибудь элементарный вопрос, он, вместо одного жеста, сделает десять», – пишет о такой манере Головин [4. С. 44].

Поэт-маньерист вместо обыкновенного образа воссоздает совершенно необыкновенную картину. Причем образ будет характерен только для одного человека – автора, который при этом является созерцателем. В заключительном терцете аромат наполняется звуком, влюбленные становятся южными плодами, а взоры женщин сочны, как маслины. Сочетание в одной точке разных способов восприятия мира – вкуса, запаха, тактильности и визуальности – то, что называется явлением синестезии, будет впервые так рельефно воссоздано в сонете Северянина. Смелая борьба со штампами, устоявшимися формами выражения чувств, собственной позиции, поиски чего-то удивительного и неповторимого – вот основа маньеризма.

Произведения 1911–1912 годов, в сущности, – это образец маньеризма. Тексты Северянина построены на неповторимых, возможно даже, иррациональных образах. Смешение разностилевой и разноязычной лексики, ассонансы и диссонансы, уникальность образов – все это присутствует в текстах поэта. Так, например, в стихотворении «Фиолетовый транс» (1911) мы наблюдаем очень интересную картину. Транс – переход из одного состояния в другое. В данном случае транс окрашен еще и в фиолетовый цвет – цвет потаенности и невыразимости мистического. «Фиолетовый транс», «фиолетовый крем», «фиалки», «фиалковый фиал» [6]. Это не просто усиление значения цвета для какого-то конкретного образа. Весь мир – таков. И это не единственное стихотворение с фиолетовыми образами у Северянина. Лирический герой текста не хочет находиться в пошлом, обыденном мире. Поэтому ликер – фиолетовый, за лирическим героем приезжает кабриолет, в котором детализируются и сиденья, и водитель, и сама атмосфера. Ведь лучше сесть в атласный интервал на сером клене, увидеть не водителя и даже не шофера, а именно шоффэра (ср. фр. Chauffeur). При этом «шоффэр» не просто сторонний, а идеологически близкий человек – клевет. И цель героя – обмануть, «околдовать природу, перепутать путь». Но шоффэр не может этого, а посему от него нужно избавиться – и лирический герой его «выбрасывает».

Основная идея стихотворения – абсолютная свобода, это свобода мировой души, проявляющаяся абсолютно в каждой детали. Герой устремляется на поиски необычных вещей: лилии у скала в водопаде – ведь он не «виноват, что лилии колет так редко можно встретить» [6]. Более того, он не понимает, как такого можно не желать. Мы видим столкновение двух идей, двух миров: реального (пошлого) и его –

удивительного, неповторимого, но в то же время реального и нормального для него самого. Однако особенность мира лирического героя трактуется именно через индивидуальность и неповторимость его личности. Образы создаются при помощи индивидуальных и неповторимых метафор и метаболов, эпитеты выражены при помощи таких прилагательных, которые, кажется, не сочетаются с существительными. Немаловажна игра слов и словотворчество.

Не менее значимо стихотворение, являющееся завершением творчества Северянина как поэта-эгофутуриста. В «Эпилоге...» реализованы все те черты, которые были провозглашены им ранее в манифесте. Крайнее самоутверждение личности («Я, гений Игорь-Северянин, / Своей победой упоен») [6], борьба со сложившимися устоями («Я покорил Литературу! / Взорлил, гремящий, на престол!» [6]), образность в целом характерны для литературы эгофутуризма. Здесь мы видим и словотворчество, и неожиданные обороты. Кроме того, даже утверждение личности не есть противоречие относительно пункта, выдвинутого Е.В. Головиным об отсутствии и «затемненности» фигуры автора в маньеризме. Напротив, проявление авторского Я в крайней степени и есть выражение крайней индивидуальности, субъективности восприятия мира. Его эгоцентрически выраженная душа – это гиперболическая форма выражения души «вселенской» в ее гениальности (крайности).

После ухода Северянина из кружка в 1912 году в поэтическом объединении наступает кризис, а сам Северянин продолжает творить в том же ключе, уже не провозглашая себя поэтом-эгофутуристом. Тем не менее некоторые черты маньеризма встречаются и в более поздних его работах, например, в стихотворении «Поэза алых туфель» (1917), «Бетховен» (1927), «Десять лет» (1927) и других. Однако по сравнению с творчеством 1910–1912 годов произведения теряют неповторимость и крайнюю степень самоопределения личности.

Сопоставляя понятия «эгофутуризма» и «маньеризма», мы можем говорить об их тождественности, в некотором роде – идентичности. Этот терминологический синтетизм характерен, по нашему убеждению, для раннего поэтического творчества Игоря Северянина. Очевидно, маньеризм может быть признан не только одной из разновидностей многочисленных течений Серебряного века, но и стилевой тенденцией, «сшивающей» между собой такие разнонаправленные явления, как ранний символизм Блока, кларизм в лице Мих. Кузмина, эгофутуризм.

Литература

1. Филькина Е.Ю. Судьба поэта (из воспоминаний Игоря Северянина) // Встречи с прошлым / под ред. Н.Б. Волкова. М. : Советская Россия, 1982. 504 с.
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.
3. Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство / гл. ред. В.М. Полевой. М. : Советская энциклопедия, 1986. Кн. 1. 447 с.
4. Головин Е.В. Приближение к Снежной Королеве. М. : Арктогея, 2003. 277 с.
5. Арго А.М. Своими глазами: книга воспоминаний. М. : Советский писатель, 1965. 265 с.
6. Северянин И. Все стихи Игоря Северянина // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия, 1990–2001, 2006–2019. URL: https://45parallel.net/igor_severyanin/stihi/ (дата обращения: 30.03.2020).

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-82

ТЕМА ГРЕХА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

Корнеев А.В.

Томский государственный университет, аспирант

SIN THEME IN THE WORKS OF DANIEL KHARMS

Korneev A.V.

Tomsk State University, postgraduate student

Статья посвящена осмыслению темы греха в творчестве Даниила Хармса. Мы показываем, как проявляется эта тема на протяжении всего творчества писателя. Грех является одной из важных категорий в творчестве Хармса, в связи с чем в его произведениях появляется ряд повторяющихся мотивов.

Ключевые слова: тема греха, Даниил Хармс, мотив детства, проблема пола, мотив молитвы

The article is devoted to understanding the topic of sin in the work of Daniel Harms. We show how this topic manifests itself throughout the writer's work. Sin is one of the important categories in the work of Harms, shaping the situation of sin, in connection with which a number of repeating motifs appear in his work.

Keywords: theme of sin, Daniel Harms, childhood motive, gender problem, prayer motive

Научный руководитель: Е.Г. Новикова, д-р филол. наук, профессор ТГУ.

В статье рассматривается тема греха в творчестве Даниила Хармса. Актуальность этой темы определяется тем, что она связана со многими